

# Ответственные квартиросъемщики погорелого театра

Одному из солистов Ставропольской музыкальной комедии изменила возлюбленная. На сцене в таких случаях непременно стреляются. Как в миру, он просто не знал. И не стал нарушать театральные традиции: пустил себе пулю в грудь. Пуля прошла в 2 сантиметрах от сердца. Медики вытащили человека уже с того света. И он по-прежнему солист. Актер-то в нем никогда не умирал.

...Вопреки официальной принадлежности к губернскому центру, Ставропольский краевой театр музыкальной комедии изначально располагался в одном из особняков Цятигорска. Построенное в начале столетия на средства меценатов (как народный дом развлечений), это здание служило и персидскому консульству, и Съезду народов Кавказа, где пламенный товарищ Киров провозгласил победу Советской власти. Здание еще не раз переходило из рук в руки. Пока особняк не передали переведенному в Пятигорск из Грозного театру оперетты, ставшему со временем краевой музыкальной комедией. С тех пор здесь прочно поселились Легар, Штраус и, конечно же, Кальман.

К «Веселой вдове», «Сильве», «Королю вальса», «Графу Люксембургу» шли и пролетарии, и советское чиновничество, и молодая интеллигенция.

Менялись актеры, дирижеры, публика. Недремлющим оком присматривали местные партийные идеологи за репертуаром: не больше половины спектаклей — классиков, остальные — советских авторов. Крайне исполком взял театр под крыло. Театр процветал. Давал в год по 300 спектаклей вместо положенных 280.

Помимо местных театралов, от охочих до зрелищ курортников, что на Кавминводах, зал кишмя кишел. Отбою не было. Особенно всем нравились примадонны (будь они хоть из кордебалета).

Словом, жила оперетта. Откладывая с года на год капитальный ремонт здания. За-

бывая в охоте за солистами о тех, кто на третьих ролях. Но жила, как и подобает: легко, непринужденно, припеваючи.

Вдруг разом все — бабах — и лопнуло.

В расцвете перестройки случился пожар театрального общежития. По пьянке кто-то из актеров спалил. Кинулись по старинке в горком, крайком. А там: не видите, перестройку наш генсек затеял. Вся страна по-новому жить начинает. А вы — общежитие. Не мешайте тут.

Театр кое-как пристроил погорельцев в частном секторе. Попытался было уплотнить вторую общагу — совсем крошечную развалюху. Но там и без того жизнь ключом била.

В одной комнатухе — балерина с дочкой, да приходящим по ночам постановщиком. В другой — две влюбленные девчухи из кордебалета. В третьей — актер, запойный алкоголик. И в последней — скрипач, нежный друг виолончелиста. Команда дружная, спаянная.

Благодаря частому общению и тонким фанерным перегородкам друг о друге знали все и вся. Захаживал туда, чего греха таить, и я. Хорошие ребята. С кем и как бы они ни жили, все жили театром. Его удачами и проколами, бенефисами, сплетнями, премьерными... Здесь не давил быт, не было черной разъедающей актеров зависти. Сюда не проникали театральные интриги.

Да, собственно, так или почти так, все осталось и сейчас. Ушла лишь балерина с дочкой и другом. Расселились по разным комнатам девушки из кордебалета — они теперь просто подружки... Все та же мебель — продавленные кресла да выдавшие виды пружинные кровати. Те же отклеившиеся места — где крыша течет — залатанные старыми афишами обои.

Прелестная убогость бытия провинциальной богемы...

Немногим отличается по внешнему виду от этой Богом забытой общаги и помещение

самого театра. Публика, не будучи взыскательной, как правило, довольна и этой вешалкой, и мрамором лестницы, и малиновым велюром кресел. Но, Боже упаси, кому-то из заезжих театралов устроиться в антракте не к фойе с буфетом — к гримерным с букетом. В этом тесном, обшарпанном мире театральных задворков, с лужами во время дождя и духотой в жару, вас встретят далеко не те юные чаровницы и шалуны, которые только что скакали по сцене. Театр, особенно за последние годы, заметно постарел.

И когда такой вот «мальчик» снимет парик, распустит затянутый бандажный пояс, все же вручите ему свой букет. Он его честно заработал. На его 20 тысяч рублей в месяц уже не разгуляешься, как пару лет назад. Чтобы выехать в ближайший город со спектаклем (о гастрольях здесь давно не мечтают), он вынужден сам грузить в автобус декорации, а потом втискиваться между ними. Снимать для него квартиру театр уже не в состоянии, а получить собственную не светит вообще. При нынешнем голоде на курортников ему доводится выступать и перед полупустыми залами. А тут еще и дети болеют, да с женой поссорился...

В провинциальном театре оперетты, мне кажется, работают сейчас не столько для зрителя, сколько для себя. Иной формы существования для многих просто нет. Эдакий побег из серой, побитой бытом, словно молью, действительности. В яркий мир опереточных страстей. И те, кто пытался отсюда уйти за рыночный лоток или в шоу-бизнес, практически всегда возвращались. В театре они свои, в своей тарелке, не то, что в жизни. Там они нередко беззащитны и беспомощны. Никому до них дела нет...

**Александр ЕВТУШЕНКО.**

Пятигорск.